

М.М. Громыко¹

Значение личной религиозности в контактах церкви и власти при императоре Николае I

После недавнего длительного периода господства в стране воинствующего атеизма особенно существенным становится изучение положительного опыта досоветского времени в разных областях взаимодействия власти и Церкви. Историография, на первый взгляд, небогата в этом отношении. Обширнейший труд Н. К. Шильдера, преизобилующий фактическим материалом, содержит, разумеется, и сведения, относящиеся к данной теме (автор — генерал-лейтенант и член-корреспондент Академии наук, был верующим человеком), но охватывает только ранний период царствования Николая I — до 1833 г.² Пресечение с 1917 г. какой-либо возможности объективного исследования историками факторов общественной и личной религиозности и деятельности Церкви исключало развитие данной темы. Сугубо отрицательная характеристика правления Николая I вошла в учебники вузов и школ. Отчасти, в отдельных вопросах, это компенсировалось зарубежной русской историографией. Хотя иные авторы — эмигранты, пережив революцию и наблюдая ее последствия, все еще продолжали скорбеть о том, что Церковь в предреволюционный период недостаточно боролась за некие реформы, и заносили святых в списки виновных «консерваторов». Но не все имели такой обширный запас интеллигентских заблуждений, содействовавших революции.

По данной теме существенный вклад внес Н.Д. Тальберг в своей работе «Человек вполне русский. Император Николай I в свете исторической прав-

ды». Опираясь на свидетельства очевидцев, он отмечает веру государя при рассмотрении разных сторон его деятельности³. В постсоветской России первым дал четкую положительную оценку правления Николая I священник Алексей Николин в работе «Церковь и государство. (История правовых отношений)»: «Николай I был человеком глубоко верующим и церковным, ему были чужды колебания, умствования и шатания в вопросах веры. Он во всем полагался на волю Божию. В поисках духовной основы своего правления Николай I с первых дней пребывания на троне обратился... к православной вере, к отечественным религиозным традициям, к особенностям русского национального идеала, духовных устремлений»⁴.

Особо следует отметить двухтомный сборник документов, воспоминаний и статей о Николае I, составленный Б.Н. Тарасовым. Весь обширный материал этого замечательного издания опровергает упорно навязываемую в советское время концепцию⁵.

Период правления Николая I (1825–1855) заслуживает внимания по названной проблеме, как время сильной монархической власти, активной во внешней и внутренней политике, но отмеченное также выдающейся деятельностью ряда архиереев и архимандритов — позднее прославленных святых. Возникает вопрос: почему было возможно такое сочетание — всеобъемлющей светской государственности и активной деятельности людей, получивших безоговорочно положительную оцен-

¹ Статья подготовлена по благословению протоиерея Михаила Герцева.

² Шильдер Н. К. Император Николай I: его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. I–II.

³ Тальберг Н. Д. Русская быль. Очерки истории Императорской России. М.: «Правило веры», 2000. С. 277–538.

⁴ Николин Алексей, священник. Церковь и государство (история правовых отношений). М.: Издание Сретенского монастыря, 1997. С. 114.

⁵ Николай I и его время. Составитель Б.Н. Тарасов. М.: «Олма-Пресс», 2000. В 2-х томах.

Император Российский Николай I. Портрет

ку Церкви? К тому же это происходит в синодальный период, неблагоприятный, как принято считать, для жизни Церкви в целом.

Сам император отчасти высказался по этому вопросу. Когда Дмитрий Гаврилович Бибииков (1792–1870), киевский, подольский и волынский генерал-губернатор возвращался из Санкт-Петербурга, получив новое назначение – министра внутренних дел, он заехал к митрополиту Филарету Киевскому. Среди других новостей он сообщил, что государь в разговоре с ним сказал: «О церковном управлении много беспокоиться нечего: пока живы Филарет мудрый и Филарет благочестивый, все будет хорошо». По словам свидетеля встречи министра со святителем, смиренный митрополит был смущен этим сообщением и даже протесто-

вал: «Нет, нет, уж позвольте... какая оценка: все принадлежит мудрости митрополита Московского. И это кончено, и я прошу Ваше высокопревосходительство мне больше не говорить об этом»⁶.

Николай I сослался не на Синод, а на двух активнейших архипастырей, которым он доверял. Впоследствии Церковь подтвердила правоту государя в этом отношении: оба они были прославлены. «Фигура митрополита Филарета (1782–1867), который в течение 46 лет управлял Московской епархией, на протяжении почти полстолетия была средоточием церковной жизни России; это был иерарх, воззрения и дух которого, пронизывающие все его труды, сохраняли свое воздействие на жизнь Церкви и после его кончины; это был человек с сильным характером и огромной духовной силой и энергией, человек, который, благодаря этим своим качествам, умел скрыть внутренний трагизм своей души»⁷. Присоединяясь к характеристике И.К. Смолича, мы не можем, однако, согласиться с последними словами о «внутреннем трагизме души» митрополита. О каком внутреннем трагизме души можно говорить применительно к святому человеку, предававшему себя всецело воле Божией? Об этом нам говорят его молитвы, его труды, его многочисленные письма к родным лицам на духовные темы⁸.

Судя по контексту, И.К. Смолич имеет в виду противоречие между стремлением к созданию наиболее благоприятных условий для деятельности Церкви и необходимостью считаться со светской властью. Но для святителя Филарета такого противоречия не существовало, и автор сам признает это в дальнейшем изложении. «...Мы пришли к выводу, – пишет он, – что этот иерарх не был решительным противником государственной церковности своей эпохи; он лишь хотел в её рамках обеспечить больший простор для Церкви, не посягая на государственную опеку над Церковью, путем исключения некоторых нездоровых явлений из церковной жизни, он хотел духовно укрепить Церковь...» И.К. Смолич видит «в таких воззрениях Филарета» «лишь паллиатив»⁹.

⁶ Святитель Киевский Филарет, в схиме Феодосий. // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Декабрь. Ч. 2. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 170–171.

⁷ Смолич И.К. Русское монашество. 988–1917 / Приложение к «Истории русской церкви». М., 1999. С.312.

⁸ О свт. Филарете (Дроздове), митрополите Московском существует обширная литература, в том числе постсоветского времени. Назовем здесь лишь монографию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского». (Тула, 1994), содержащую и библиографию. Переизданы и стали доступны современному читателю дореволюционные публикации его писем и трудов. Но при этом еще недостаточно использованы его личные фонды, содержащие также и обширную официальную документацию: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 832. Филарет (Дроздов Василий Михайлович 1782-1867), митрополит Московский и Коломенский. 1812-1867 гг. 136 ед. хр.; Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (далее – РО РГБ) ф. 316. 1800-1867. 1660 ед. хр.; Центральный государственный исторический архив Москвы (далее – ЦГИАМ). Ф. 1878. 1840–1883 гг. 38 ед. хр.

⁹ Смолич И.К. Указ. соч. С. 313.

Но в действительности, оставшееся письменное наследие иерарха, зафиксированные другими лицами высказывания и вся его деятельность свидетельствуют о том, что для него главной была проблема Божественной сущности государства и соответствующего отношения подданных к властям. Ведь речь шла о православной монархии, о власти помазанника Божия. «Государь всю законность свою, — писал святитель, — получает от церковного помазания, из чего вытекает, что положение Церкви (в России) и отношение её к самодержавной власти не сходно с положением Церкви в государствах католических и протестантских»¹⁰.

Проповедуя и осуществляя последовательный православный подход к государственной деятельности, митрополит Филарет добивался и осознания правителями церковных дел как первоочередных государственных задач. Секрет его влияния на людей очень разных по социальной принадлежности — от крепостного крестьянина до императора — кроется в высоком уровне его собственной духовности, признанной церковью в прославлении. Но не только в этом. Важным было также состояние религиозности этих лиц, способности их воспринять, оценить его духовный авторитет¹¹.

При императоре Николае I в сферу влияния святителя Филарета все более входит жизнь Церкви всей страны, а не только своей епархии. Это происходит как в силу причастности митрополита к деятельности многих церковных комиссий и обществ, так и в связи с ростом его известности как архиерея справедливого, наделенного свыше духовными дарами и пользующегося влиянием у властей. В его личном архивном фонде — множество дел, касающихся старообрядцев разных толков, единоверцев, сектантов, положения православия в Турции и на Кавказе, миссии и православных братств — от Риги и Полоцка до Алтая¹².

Святитель Филарет Московский глубоко осознавал опасность нарастающего революционного сознания, его разрушительную силу. В «Слове», посвященном дню рождения императора (1851 г.), он специально остановился на понятии «свобода». «Некоторые под именем свободы хотят понимать способ-

ность и невозбранность делать все, что хочешь. Это мечта, и мечта не просто несбыточная и нелепая, но незаконная и пагубная... Истинная свобода есть деятельная способность человека не поработленного греху, не тяготимого осуждающею совестью, — избирать лучшее, при свете истины Божией, и приводить оное в действие при помощи благодатной силы Божией... Возлюбим свободу христианскую, — свободу от греха, от страсти, от порока, свободу охотно повиноваться закону и власти, и делать добро Господа ради, по вере и любви к нему. И никто да не будет прельщен людьми, от каких остерегает нас апостольское слово, — которые *свободу обещают, сами рабы суще тления* (Петр. II. 19). Аминь»¹³.

Единодушные митрополита и государя в молитвенном уповании на милость Божию зримо проявилось в драматических событиях 1830 г. — во время эпидемии холеры. В конце сентября начались заболевания в Москве, и Николай I в сопровождении генерала А.Х. Бенкендорфа прибыл туда. После краткого заезда в дом генерал-губернатора, где была получена информация о ходе событий, император поехал к Иверской Божией Матери, «где молился, стоя на коленях». Затем переделся во дворце и принял там митрополита Филарета. Следующая их встреча состоялась вслед за этим уже в соборе, где святитель встретил государя словами: «Благословен грядый на спасение града сего...».

За время пребывания государя в городе увеличилось число больниц, были открыты приюты для осиротевших детей и богадельни для одиноких стариков. А главное, — число заболеваний стало сокращаться¹⁴.

Встречи в храмах и вне храмов дополнялись ещё перепиской. В фонде императора Николая I сохранились письма к нему московского митрополита, свидетельствующие об их контактах¹⁵. При этом святитель имел переписку сугубо духовного характера с другими членами императорского дома. Так, с будущей императрицей Марией Александровной, супругой Александра II, иерарх переписывался (по её инициативе) ещё во время правления Николая I, когда она была цесаревной. Переписка продолжалась и после вступления на трон ее супруга¹⁶.

¹⁰ Цит. по: Смолич И.К. История русской церкви. 1700–1917. Ч. 1. М. 1996. С. 221.

¹¹ Громыко М.М. Святитель Филарет Московский и три российских императора // Православная церковь и государство в исторической судьбе России. Материалы IV всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьба России». Нижний Новгород: «Глагол», 2008. С. 129–138.

¹² РО РГБ. Ф. 316.

¹³ Святитель Московский Филарет. Слово в день рождения Благодетельнейшего Государя Императора Николая Павловича (1851 г.) // Regnum Aeternum. Москва–Париж: Наш Дом, 1996. С. 115–120.

¹⁴ Тальберг Н.Д. Указ. соч. С. 348–350.

¹⁵ Государственный архив древних актов (далее — ГАРФ). Ф. 672. Император Николай I.

¹⁶ Там же. Ф. 728. Коллекция документов рукописного отдела Библиотеки Зимнего Дворца. Письма к цесаревне Марии Александровне (1849–1854 г.г.); письма к императрице Марии Александровне (1855–1866).

Со всей силой своей духовности святитель поддерживал в письмах каждый ставший ему известным благочестивый порыв. В беспокойном для царствующих 1849 г. он писал цесаревне: «С благоговением внемлю словам, которыми исповедаете Господа, испытующего и укрепляющего, и благословляете Святое Имя Его. Слава благодати Его споспешествовавшей Вам воспринять сии чувствования преданности судьбам Его и упования на Него и утвердиться в них! Верен Он, чтобы принять во благоволение жертву сердца Вашего и исполнить новыми обильными благословениями душу Вашу и видимую сферу ея любви»¹⁷. И конечно, каждое обращение к святому вызывало усиленные молитвы его, на что и рассчитывали обращающиеся. Об этом он говорит смиренно в этом же письме: «Повергаюсь перед Царем Царствующих и Отцом всякого чувства с немощною, но искреннею молитвой, да благоволит сохранять Вашу драгоценную для всей России и каждого верноподданного жизнь, здравие и благоденствие, Ваше и благоверного»¹⁸.

Активнейшая церковная, миссионерская и просветительская деятельность в сочетании с аскетизмом святого подвижника и соответствующими благодатными дарами второго выделенного императором Филарета — митрополита Киевского (1779–1857) — подробно освещена в работе архимандрита Сергия (Васильевского), вышедшей в Казани в 1888 г. Написанная *при жизни многих учеников и сподвижников святителя*, свидетельства которых автор активно использует, она представляет особый интерес для выявления значения уровня личной духовности во взаимодействии Церкви и государства¹⁹.

Государь в 1827 г. направил тогда еще архиепископа Рязанского Филарета в Казанскую епархию — особенно сложную по части миссионерской деятельности среди инородцев. Внешне это выглядело как высочайшее утверждение доклада Священного Синода, но при этом император повелел ехать немедленно в связи с «затруднениями относительно крещеных инородцев»²⁰. Новый Казанский архиепископ разработал и представил в Синод целую систему мер, «чтобы наставить и утвердить в вере разноплеменных обитателей сво-

ей паствы» (в том числе — перевод необходимой православной литературы на чувашский, марийский, удмуртский и татарский языки), но при этом сам стремился при объезде епархии посещать новокрещенские приходы. Трудно переоценить «духовно-влиятельное, точнее же сказать, благодатно-чудодейственное» значение этих посещений, вплоть до чуда исцеления умирающего чуваша. В этом событии проявились дары прозорливости и целительства архипастыря. Кроме того, преосвященный «вел оживленную переписку с другими епархиями по делу миссии, и этим немало приносил пользы и другим епархиями»²¹.

Чудо исцеления, воздействовавшее сильно и на верующих, и на маловеров, отмечено также в другой сфере деятельности архипастыря — благотворительности. При посещении в Казани богатого купца в голодном 1832 г. свт. Филарет обратил внимание на его сына — «сидня», лишенного способности ходить. Преосвященный посадил его к себе на колени и гладил по голове, беседуя с отцом о благотворении голодающим. «По окончании беседы святитель спустил отрока с колен и, перекрестив его, сказал: “Ну, гряди, во имя Отца и Сына и Св. Духа”. Отрок тотчас же почти побежал к своей матери и с той поры стал ходить». Дары святого архипастыря проявлялись также в чудодейственной помощи земледельцам при разного рода стихийных бедствиях (засуха, градобитие)²².

Знаменательны слова Николая I, письменно зафиксированные в двух документах при переводе святителя Филарета (Амфитеатрова) на Киевскую кафедру 17 апреля 1837 г. и через два года после этого. В рескрипте к новому митрополиту он писал: «Я убежден, что вы, *руководимые небесною благодатию*, по стопам истинных иерархов и учителей Вселенской церкви, в духе любви и мира словом и примером послужите к животворному назиданию новой паствы своей, и Богоспасаемый град Киев да светит окрестным странам лучами *живой деятельной веры*». (Курсив наш. — М.Г.) В 1839 г. обер-прокурор Н. А. Протасов сообщал в секретном сообщении к митрополиту Филарету Киевскому слова императора о нем: «*Отличающие его свойства христианской любви и кротости служат надежным ручательством, что он вполне со-*

¹⁷ Там же. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. Д. 22097. Л. 1. 8 июля 1849 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Сергий (Васильевский)*, архим. Высокопреосвященнейший Филарет, в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время. Казань, 1888. В 3-х томах. Составитель «Жизнеописаний отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков» архимандрит Никодим (Кононов) поместил ее полностью (248 стр.) во второй части декабрьского тома своего издания 1910 г., сделав доступной для более широкого круга читателей.

²⁰ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия. Там же. С. 83–84.

²¹ Там же. С. 85–92.

²² Там же. С. 105–107.

вершит ожидание правительства, преподав вверенному ему духовенству такие личные наставления, кои послужат к полному водворению нерушимого согласия и духовного единства между бывшими — отторгнутыми насилием и теперь воссоединенными любовью — в отношении к сохранившим неизменно православие»²³. (Курсив наш. — М.Г.)

Непосредственные соучастники деятельности святителя Филарета (Амфитеатрова) в Киеве отмечали значение его высокой духовности в делах церковного и светского образования. «Он умел особенно избирать начальствующих лиц — ректоров и инспекторов», с которыми сам всегда был в близких искренних отношениях и руководил ими. Прозорливым и неутомимым вниманием архипастыря пользовались те учащиеся духовной академии, которые пришли туда из своей, киевской семинарии: он желал их видеть и на службе в своей епархии. «Под влиянием митрополита Филарета дух аскетизма, заметный и прежде, сильно развился в академии, обнаруживаясь поступлением в монашество многих наставников и лучших студентов». Из лиц, получивших образование в Киевской духовной академии при жизни Филарета, пятьдесят человек (!) достигли потом в своей деятельности уровня архипастырей²⁴.

С большим вниманием относился святитель и к нравственно-религиозному преподаванию в Киевском университете. Не только богословие, но и философию там преподавали профессора из духовной академии. «Строгий аскет, святитель Филарет стоял на уровне современной ему науки, и многие из профессоров академии того времени, не щадя своих профессорских авторитетов, даже иногда на лекциях своих свидетельствовали, что им приходилось слышать из уст высокопреосвященного Филарета такие сведения, о которых в самих системах той или другой науки не было даже и намека». «Дар духовного ведения» проявлялся и в оценке студенческих работ. Недаром в его время в Киевскую академию поступали воспитанники из других стран и даже других вероисповеданий. Его воспитанниками были главы Молдавской и Сербской Церквей. Сам святитель Филарет был почетным членом Императорской академии наук; Императорского Московского Общества истории и древностей российских; Киевской, Санкт-Петербургской, Московской и Казанской духовных академий; Киевского, Московского и Казанского императорских университетов²⁵.

Двумя названными Николаем I Филаретами отнюдь не ограничивается число активно дей-

Святитель Игнатий (Брянчанинов). Портрет. XIX в.

ствовавших при императоре Николае I, а позднее прославленных, архипастырей. Святителя Игнатия (Брянчанинова, 1807-1867) государь выделил уже в период обучения в Главном Инженерном училище в Петербурге, которое курировал, будучи еще великим князем. Когда в результате больших усилий святитель Игнатий добился желанной перемены в своей жизни — стал монахом, иеромонахом, а затем уже (1833 г.) и игуменом, возник вопрос о переводе его в Московскую епархию на должность настоятеля Николо-Угрешского монастыря. Хлопотавшая об этом графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская рассказала императору об обстоятельствах этого дела. «Государь приказал вызвать игумена Игнатия в Петербург для личного представления ему и заявил, что если Брянчанинов ему в новом качестве понравится, как и прежде, то он его митрополиту Филарету не отдаст»²⁶.

Встреча состоялась в Зимнем Дворце 12 января 1834 г. «Государь с радостью обнял своего воспитанника, неоднократно повторяя: “Друг мой, друг мой”, — Игнатий «кричал» (по его собственному

²³ Там же. С. 145–146.

²⁴ Там же. Ч. II. С. 161–168.

²⁵ Там же. С. 170–177.

²⁶ Чинякова Г. П. Учитель покаяния. Жизнеописание святителя Игнатия (Брянчанинова). СПб.: Сатис, 2006. С. 26, 41, 74.

выражению): «Отец мой! Отец мой!»²⁷ После беседы император высказал свое решение: «Ты мне нравишься, как и прежде! Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь, — на нем ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтобы ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который бы в глазах столицы был бы образцом монастырей»²⁸.

Игумен был возведен в сан архимандрита, и в течение двадцати четырех лет свято, мудро и неотомимо управлял Троице-Сергиевой пустынью Петергофского уезда Санкт-Петербургской епархии. В сан епископа Кавказского и Черноморского он был возведен после смерти Николая I, которую тяжело пережил. Святитель Игнатий (Брянчанинов) настолько известен, что в рамках данной статьи нет надобности останавливаться на трудностях и достижениях его служения, отметим здесь лишь его особенно близкую духовную дружбу с митрополитом Киевским Филаретом (Амфитеатовым)²⁹.

Следующим из прославленных святых, активная церковная деятельность которых происходила в период правления императора Николая I, назовем святителя Антония (Смирницкого, 1773–1846), архиепископа Воронежского и Задонского. Этот будущий святитель с самого начала своего монашества в Киево-Печерской Лавре отличался милосердием и нестяжательностью. Будучи строгим постником, он довольствовался только самым необходимым, и когда был назначен заведовать лаврской типографией, все получаемое за эту работу раздавал бедным, больным и богомольцам. Продвигаясь в начальственных должностях — сначала главы Ближних Пещер, а потом (1815 г.) — наместника Киево-Печерской Лавры, Антоний был отмечен как человек снисходительный к подчиненным. «Недолго сделать человека несчастным, — предупреждал он — Нам, начальствующим, надлежит спасать, а не губить, принимать меры к исправлению, к вразумлению павшего...»³⁰.

В 1816 г. в жизни и деятельности наместника произошли знаменательные события. Он принимал в июне великого князя Николая Павловича — будущего императора Николая I, и сопровождал его в обходе пещер, рассказывая жития святых. А в начале сентября Киево-Печерскую Лавру по-

Святитель Антоний (Смирницкий), архиепископ Воронежский. Портрет. XIX в.

сетил император Александр I; будущий святитель удостоился беседы с ним и служил литургию в присутствии государя. Сам факт этого последовательного посещения Киево-Печерской Лавры³¹ — один из многих, свидетельствующих о глубоком духовном контакте между двумя братьями — и в период правления Александра I, и после ухода его от власти (на этом вопросе мы остановимся ниже). Что же касается наместника, то он «произвел на августейших особ неотразимое впечатление». И впоследствии святитель Антоний (Смирницкий), как отмечается в житии, «сохранил благоволение императоров и милость всего императорского дома». Члены августейшей фамилии посещали его и в Воронеже, когда он стал архиепископом Воронежским и Задонским. Кроме непосредственных контактов, он вел обширную переписку с самими монархами, императрицей Александрой Федоровной, великим князем Михаилом Павловичем,

²⁷ Чинякова Г. П. Указ. соч. С. 76. Автор ссылается на письмо игумена Игнатия своему отцу — Александру Семеновичу Брянчанинову. См.: Полн. собр. творений святителя Игнатия Брянчанинова. М., 2001. Т. III. С. 572.

²⁸ Чинякова Г. П. Указ соч. С. 76.

²⁹ Там же. С. 123.

³⁰ Житие святителя Антония, архиепископа Воронежского и Задонского. Воронеж, 2003. С. 13–14.

³¹ Там же. С. 15; Жизнеописания отечественных подвижников благочестия. Декабрь. Ч. I. 1994. С. 497.

великими княгинями Марией Павловной, Анной Павловной (будущей королевой Нидерландов) и Еленой Павловной. О расположении к этому архиерею императора свидетельствуют также многочисленные рескрипты, дары (кресты, облачения, золотые покровы на святые мощи, панагии) и личные благодарности³².

Контактам святителя Антония (Смирницкого) с августейшей семьей Романовых и лично с императором Николаем I на духовной почве несомненно способствовало прославление в 1832 г. святителя Митрофана Воронежского, происходившее при активнейшем участии архипастыря. Современная исследовательница взаимоотношений Церкви и государства в вопросе канонизации святых в синодальный период Я. Э. Зеленина, изучившая комплекс соответствующих документов в Синодальном архиве, пишет: «Святитель Митрофан, первый епископ Воронежский – один из немногих святых, прославление которого было подготовлено и проведено безупречно, исключительно быстро после обретения его нетленных мощей. Большое значение имели мудрая политика и духовный опыт святителя Антония (Смирницкого), возглавляющего Воронежскую кафедру». И далее: «Анализ материалов, особенно писем святителя Антония и докладов обер-прокурора, показывает, что и в это время, задолго до эпохи царствования Николая II, роль самодержца в церковно-государственной сфере и его личное благочестие были очень весомыми. Прославление святителя Митрофана сразу же стало осмысляться как наиважнейшее государственное событие...»³³.

На открытие мощей свт. Митрофана Воронежского собралось огромное количество народа, так как свидетельства о чудесах и соответствующее почитание были распространены задолго до прославления. Через 40 дней прибыл в Воронеж на поклонение угоднику Божию Николай I. Принимая архипастыря в своих покоях, государь сказал: «Мы с Вами, преосвященный, шестнадцать лет знакомы» и далее, в ходе разговора – «А вас знал император Александр Благословенный». «Этим счастьем Вашему Величеству я обязан», – отвечал Антоний³⁴.

Выше мы уже отмечали, что выделяемые вниманием государя и контактами в конкретных делах архипастыря имели и между собою дружественные связи и поддержку. Это относится и к взаимоотношениям Антония (Смирницкого) с Филаретом Киевским. Так, последний, направляясь в Санкт-Петербург, заехал в Воронеж и потом содействовал открытию монастыря во имя святителя Митрофана Воронежского — о чем хлопотал в это время перед Синодом Антоний (Смирницкий). В жизнеописании Филарета Киевского отмечено, что «здесь имело место и значение не знакомство личное, а сходство их свойств и направлений, как со стороны духовной подвижнической жизни, так и пастырского служения»³⁵.

Даже Иннокентий (Вениаминов, 1797–1879), просветитель Сибири и Америки, подвизавшийся в столь отдаленных местах, во время своего посещения Санкт-Петербурга был отмечен не только вниманием государя, но и общался с Филаретом Московским, который уговорил его принять монашество. Это позволило назначить Иннокентия в 1840 г. епископом новой Камчатской, Курильской и Алеутской епархии³⁶. Святитель Иннокентий вел переписку с Филаретом Московским. Это ему писал: «Чем более знакомлюсь я с дикими, тем более люблю их...» В необыкновенных успехах его миссионерства огромную роль играл высокий уровень личной духовности проповедника³⁷. Надо сказать, что когда возник вопрос о назначении архиерея в новую, самую отдаленную епархию, императору были представлены три кандидатуры. Государь после личной встречи выбрал Иннокентия³⁸.

Благодатность святителя Иннокентия проявлялась не только в миссионерской деятельности (которая, конечно же, была не только церковной, но и государственной задачей), но также во взаимоотношениях с местной властью. Современный исследователь Н.П. Матханова, подчеркивает, что для отношений святителя Иннокентия и генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева были характерны взаимное доверие и глубокое уважение. «На все свои начинания, направленные на борьбу с коррупцией, защиту простого народа Н. Н. Муравьев неизменно получал

³² Житие святителя Антония, архиепископа Воронежского и Задонского. С. 15. См. также: Гос. архив Воронежской обл. Ф. 84. Воронежская духовная консистория.

³³ Зеленина Я. Э. Канонизация святых в синодальный период: взаимоотношения Церкви и государства // Православная церковь и государство в исторической судьбе России. С. 151, 155.

³⁴ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия. Декабрь. Ч. I. С. 509–510.

³⁵ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия. Декабрь. Ч. II. С. 136–137.

³⁶ Смолич И. К. История русской церкви. Ч. II. С. 252–253, 272–274.

³⁷ Дмитрук Анатолий, протоиерей. Патерик сибирских святых и подвижников благочестия. Единецко-Бричанская епархия, 2006. С. 286; Святитель Филарет Московский. Письма о духовной жизни. М., 2006. С. 461–463.

³⁸ Жития сибирских святых. Сибирский патерик. Новосибирск, 1998. С. 264.

благословение Иннокентия, совместно ими был подготовлен проект приходской реформы». «Личный авторитет свт. Иннокентия среди служивших при Муравьеве был непререкаем»³⁹.

Трогательной теплотой проникнуты письма архиепископа Иннокентия начала 1850-х годов к молодому офицеру Михаилу Семеновичу Корсакову, занимавшему позднее административные посты в Сибири (забайкальский военный губернатор в 1855–1860 г.г. и генерал-губернатор Восточной Сибири в 1861–1870 г. г.). В 1851 г. архиерей пишет ему: «С сердечным удовольствием получил я письмо Ваше, мой возлюбленный сердечный Михаил Семенович! Не потому, что Вы сообщаете мне новость о причислении Якутской области к Камчатской епархии, — а потому, что я Вас люблю и люблю сердечно, так что хотя бы Вы стали бранить меня, а я все-таки буду любить Вас». А в другом письме (1852 г.) в связи с повышением Корсакова в чине: «Очень рад. Дай Господи Вам возвышаться более и более, но с тем вместе молю Его, чтобы сердце Ваше всегда было одно и то же, как бы мундир и эполеты Ваши ни изменялись!»⁴⁰.

Ученик митрополита Филарета Московского, Филарет (Гумилевский, 1805–1866), архиепископ Черниговский, не прославлен, но как подвижник благочестия, несомненно, признается Церковью⁴¹. Святитель Филарет Московский заметил его аскетизм и выдающиеся способности и отличал его в период обучения молодого провинциала в Московской Духовной Академии. В 1830 г. он принял иноческий постриг и был назначен библиотекарем в академической библиотеке, ещё будучи студентом. Окончил академию бакалавром, был посвящен в иеромонаха и занял кафедру церковной истории. Лекции будущего архиерея вызывали живой интерес у студентов, а сам он впоследствии стал автором богословских работ. Успешное продвижение по ступеням церковной иерархии не изменило смиренного поведения Филарета (Гумилевского), и в 1837 г., когда он был уже ректором академии, А.П. Муравьев писал князю А.Н. Голицыну: «постническоею своею жизнью, скромностью и познаниями Филарет отличался пред всеми, и эти качества молодого архимандрита внушают к нему общее уважение»⁴².

Неожиданным было назначение Филарета (Гумилевского) архипастырем на Рижскую кафедру. Согласованное с государем и московским митрополитом, оно имело в виду не только силу его личной благодатной духовности, необходимую в сложнейшей ситуации в этой епархии, но также глубокое знание заблуждений протестантизма и свободное владение немецким языком и немецкой богословской литературой. Император призывал новопосвященного епископа перед его отъездом в Ригу (1842 г.) к осторожной политике (там преследовали эстонцев, желающих присоединиться к православию). К терпению и осторожности призывал его и московский митрополит. Николай I одобрил первые шаги Филарета на новом поприще, находя их «благоразумными и осмотрительными»⁴³.

Более того, государь, принимая дворянских депутатов Лифляндии, выразил четкую позицию по острому вопросу. Он сказал, что «сам принадлежа к Православию, не может и не должен запрещать свободный переход в господствующую Церковь»⁴⁴. Особенный успех имело предложенное Николаем I богослужение на латышском языке. Филарет «немедленно занялся переводом богослужебных книг на латышский язык», привлекая специалистов. Предназначенная для этого одна из рижских православных церквей «не могла вместить приходящих». В православный храм привлекало и служение самого епископа⁴⁵.

Достаточно объективный наблюдатель лифляндских событий, профессор Дерптского университета М.П. Розберг писал графу Н.А. Протасову: «Без всякого подущения, без всяких осязательных человеческих средств, не надеясь ни на какие земные выгоды, толпы простодушных поселян... мирно стремятся под незыблемую сень Восточной Церкви. Это зрелище есть самое возвышенное, трогательное и чистое ее торжество: ибо тут переходят в ее недра не полудикие язычники, не униаты, довольно тесно с нею связанные, но протестанты, целые три столетия находившиеся под влиянием мудрования, диалектики и красноречия образованных пасторов». Он приводил такие данные: с 19-го по 28-е сентября 1845 г. у протоиерея о. Березовского записалось для крещения 15 000 эстонцев, мужчин и женщин.

³⁹ Матханова Н. П. Письма свт. Иннокентия (Вениаминова) к М. С. Корсакову. 1851–1870 г.г. // Общественное сознание и литература XVI–XX в.в. Новосибирск.: Изд. СОРАН, 2001. С. 247.

⁴⁰ Там же. С. 249, 252.

⁴¹ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Декабрь. Ч. I. С. 3–108. Первично жизнеописание Филарета Черниговского опубликовано в журнале «Русский архив», 1887. № 2–3.

⁴² Жизнеописания отечественных подвижников... Там же. С. 17.

⁴³ Там же. С. 23–29.

⁴⁴ Там же. С. 30.

⁴⁵ Там же. С. 35–40.

«Весь эстонский народ принимает православие, — писал профессор. — Дело истинно нерукотворенное»⁴⁶.

Этот и подобные успехи вызвали сильнейший протест немецких баронов и других антиправославных сил, развернувших широкую многолетнюю кампанию против епископа Филарета. В числе их средств борьбы были клеветнические доносы. Ради водворения спокойствия его с почетом и повышением перевели на архиепископскую кафедру в Харьков, где подвижник отличался и своими благодатными службами, и особенным вниманием к духовному образованию, и излюбленными им научными занятиями (в частности, «Историко-статистическое описание Харьковской епархии», к созданию которого привлек почти все духовенство). Император не упускал из виду выдающегося архипастыря: в 1855 г. за успешные труды в звании вице-президента Харьковского тюремного комитета он получил Высочайшее благоволение⁴⁷. (Деятельность Филарета (Гумилевского) в качестве митрополита Черниговского относится уже к следующему царствованию — Александра II.)

Отметим еще двоих церковных деятелей, активно действовавших в период правления Николая I, прославленных святых — преподобных архимандритов: Макария (Глухарева, 1792–1847) и Антония (Медведева, 1792–1877), широко известных и в свое время, и в исторических работах. В 1828 г. Священный Синод учредил в Тобольской епархии особую миссию для просвещения инородцев. Тобольскому архиепископу Евгению было поручено найти способных добровольцев для реализации этой задачи. Иеромонах Макарий (Глухарев) был в это время насельником Глинской пустыни. Как только он услышал об этом поиске, сразу решил ехать миссионером в Сибирь и подал прошение об этом в синод. После некоторых осложнений с выбором места его миссионерской деятельности Макарий был направлен на Алтай, в Бийский округ Томской губернии. Деятельность Алтайской миссии развернулась под его руководством настолько успешно, что она считалась самой лучшей в России⁴⁸. Источники разного рода свидетельствуют об определяющей роли в этом успехе высокого уровня духовности главы миссии. «Аскетическая жизнь, начатая Макарием с самого вступления на путь служения Богу и Церкви, явно показала

его склонность к строгой монашеской жизни», развивавшуюся под влиянием митрополита Филарета (Дроздова) ещё в академии. Преподобный «обладал удивительным даром распознавать и исцелять тайные греховные раны человеческих душ»⁴⁹. Особые дары святого отмечены людьми, испытывшими их на себе, и во время настоятельства в Болховском монастыре Орловской губ. — в последний период его деятельности⁵⁰.

Преподобный Макарий, действовавший в глуши, весьма отдаленной от российских центров культуры, был на редкость образованным человеком. Магистр богословия, он знал древнееврейский, греческий, латинский, французский, немецкий, английский, итальянский языки. Перевел с древнееврейского Ветхий Завет. В ходе миссионерской деятельности изучил языки народов Алтая. При его участии и им самим были переведены на эти языки Евангелия от Матфея и от Иоанна, некоторые

Архимандрит Антоний (Медведев),
наместник Троице-Сергиевой лавры.
Литографический портрет. 1863 г.

⁴⁶ Там же. С. 45–46.

⁴⁷ Там же. С. 65–74.

⁴⁸ Жития сибирских святых. Сибирский патерик. С. 219–226.

⁴⁹ Дмитриук Анатолий, протоиерей. Указ. соч. С. 392, 396. См. также: Пивоваров Б.И. Алтайская духовная миссия и алтайские миссионеры // Из духовного наследия алтайских миссионеров. Новосибирск, 1998; Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск. Изд. Сибирского отд. РАН, 2010. С. 183–198.

⁵⁰ Сборник исторических материалов о жизни и деятельности настоятеля Болховского Троицкого Оптиного монастыря отца архимандрита Макария Глухарева. Орел, 1897.

псалмы, отдельные места из посланий апостолов, служебные и келейные молитвы. Его сочинение «Мысли о способах к успешному распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе» стало настольной книгой миссионера, «превратилось в учебное пособие для его последователей». Но при этом он умел «быть простым, как его слушатели — алтайцы, простым в слове и в жизни»⁵¹.

Отмеченное выше влияние митрополита Филарета Московского на Макария (Глухарева) в период обучения в академии продолжалось и впоследствии. Об этом свидетельствуют письма святителя к архимандриту 1824–1846 г. г.⁵²

Преподобный архимандрит Антоний (Медведев) подвизался на совсем ином поприще — был наместником Троице-Сергиевой лавры в течение 46 лет (1831–1877). Самый срок пребывания во главе такого монастыря говорит о многом⁵³. Письма к нему митрополита Московского Филарета, изданные в конце 1870-х — начале 1880-х годов, составили 4 тома⁵⁴. Разумеется, столь обильная переписка была вызвана, в значительной мере, вопросами по управлению лаврой и самими сроками их письменного общения — 35 лет. Но не только это. Антоний пользовался особым доверием святителя⁵⁵, их связывала искренняя дружба, глубокое единство духовных интересов. Неслучайно в современном издании части переписки митрополита Филарета, где публикуются лишь те места писем, которые касаются духовных вопросов, выборка из текстов, адресованных преподобному Антонию, составила несравненно больший объем, чем выдержки на эти темы из писем какому-либо другому духовному лицу (31 адресат)⁵⁶. Эти сто страниц содержат множество мудрых советов о требованиях к себе и другим, тонких и святых наблюдений земной церковной жизни. Они сопровождаются смиренными оговорками о своей «малой

мере» и просьбами помолиться при собственных затруднениях, но, главное, предполагается полное понимание адресатом упоминаемых мест Священного писания и комментария митрополита.

Доверие московского владыки проявлялась и в том, что он привлекал наместника лавры к устройству в Гефсиманском скиту особо ответственных и не подлежащих огласке встреч, государственно-го и в то же время духовного значения⁵⁷.

Активность в разных сферах церковно-государственной жизни архипастырей, отличавшихся в то же время святостью своей жизни (подтвержденной последующим прославлением), была возможна в силу религиозности самого государя. В первое время своего царствования, в 1827 г., он писал старшему брату Константину: «Никто не ощущает большей потребности, чем я, быть судимым со снисходительностью. Но пусть же те, которые судят меня, примут во внимание, каким необычайным образом я вознесся с поста недавно назначенного начальника дивизии на пост, который занимаю в настоящее время, кому я наследовал и при каких обстоятельствах, и тогда придется сознаться, что если бы не явное покровительство Божественного Провидения и того, на кого еще при жизни я смотрел, как на своего благодетеля, и которого мне приятно считать своим ангелом-хранителем, мне было бы не только невозможно поступать надлежащим образом, но даже справляться с тем, что требует от меня заурядный круг моих настоящих обязанностей; я твердо убежден в Божественном покровительстве, которое проявляется на мне слишком ощутительным образом для того, чтобы я мог не замечать его во всем, случающемся со мною, и вот моя сила, мое утешение, мое руководящее начало во всем»⁵⁸ (Курсив наш. — М.Г.).

Предание себя воле Божией было настолько выражено у императора, что А.Х. Бенкендорф,

⁵¹ Жития сибирских святых. Сибирский патерик. Новосибирск., 1998. С. 223–225.

⁵² Письма Филарета, митр. Московского и Коломенского к высочайшим особам и разным другим лицам. Собраны и изданы Саввою, архиеп. Тверским и Кашинским. Тверь, 1888. Раздел X: К алтайскому миссионеру архимандриту Макарию. 25 писем. С. 105–137.

⁵³ На эту должность Антония благословил прп. Серафим Саровский. Он и предсказал ему перевод на это место, когда ещё и вакансии не было. - Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). Изд. 2-е Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1908. С. 379–382. См. также: *Георгий (Тертышников), архим.* Антоний (Медведев), наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Жизнеописание. Троице-Сергиева лавра, 1996.

⁵⁴ Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. 1831–1867. Ч. 1. 1831–1841. М., 1877; Ч. 2. 1842–1849. М., 1878; Ч. 3. 1850–1856. М., 1883; Ч. 4. 1857–1867. М., 1883. Недавно было осуществлено переиздание этой книги.

⁵⁵ *Смолич И.К.* История русской церкви. Ч. I. С. 219.

⁵⁶ *Святитель Филарет Московский.* Призовите Бога в помощь. Сб. писем. Сост. Иерод. Никон (Париманчук). М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. С. 567–669.

⁵⁷ См. напр. *Громыко М.М.* Святой праведный старец Феодор Кузьмич Томский — Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию. Изд. Второе. М. «Паломник». 2010. С. 168–169, 184.

⁵⁸ *Тальберг Н.Д.* Указ. соч. С. 300–301.

нередко сопровождавший его в крайне опасных ситуациях (в том числе — в условиях военных действий), утверждал, что государь «незнаком со страхом». При этом он непременно благодарил Бога за спасение от смертельной опасности, за победы в сражениях, за благие события в государственных и семейных делах. Благодарил нередко ночью, в пустых храмах, неотложно, в коленопреклоненных молитвах. Так же и при угрожающих событиях — неперенные молитвы в любых условиях⁵⁹.

Щедрый на награды за победы, Николай I в то же время призывал к великодушию в отношении побежденных и сам проявлял его. После побед в войне с Турцией он писал в 1829 г. генералу Дибичу: «...теперь более, чем когда-либо, отнесем все Богу и да будем спокойнее, скромнее и великодушнее, и более последовательнее прежнего — вот слава, к которой я стремлюсь, и да хранит меня Господь добиваться иной, я же уверен, что Вы меня понимаете...». И, независимо от успешных или угрожающих событий в стране, он ежедневно клал поклоны утром и вечером на «потертом коверчике». Евангелие, подаренное братом Александром в Москве у строящегося храма Христа Спасителя, тоже читал ежедневно⁶⁰.

Во время польского восстания император сообщал брату Константину: «Желая подготовиться ко всему, я предложил жене отговорить вместе, не зная, будет ли Богу угодно позволить нам быть вместе в то время, когда мы имеем обыкновение делать это; по крайней мере, мы причастимся, и я прошу у вас обоих прощения и вашего благословения; да сподобит меня таинство, к которому я готовлюсь приступить, найти ту силу и то присутствие духа, в которых я все более нуждаюсь, и которые я тщетно искал бы где-либо в другом месте, чем там, откуда истекает милосердие и сила»⁶¹.

Государь тяжело переживал собственные отказы в просьбах о помиловании. Так, во время поездки по Киеву с генерал-губернатором Д.Г. Бибиковым перед каретой остановилась просительница — жена одного из деятельных участников восстания, сосланного в Сибирь. Прочитав прошение, Николай I резко отказал ей. По возвращении в дом генерал-губернатора, где жил и государь, Бибиков нечаянно застал его плачущим в промежутке двойной двери своего кабинета. «Что с Вами, Ваше Величество?», — пробормотал Бибиков, — «Ах, Бибиков, когда б ты знал, как тяжело,

как ужасно не сметь прощать!» Император распорядился доложить ему об этом прошении через некоторое время. «Простить сейчас я не могу — это была бы слабость»⁶².

В этой связи представляет интерес отношение его к декабристам, отбывавшим срок наказания в Сибири. Оно отмечено, в частности, С. Б. Броневским (генерал-губернатор Восточной Сибири в 1834–1837 г. г.) в его «Записках», в связи с посещением Петровского завода: «... Государь, не желая, чтоб молодые люди, временно впадшие в заблуждение от чужеземного воспитания и идей, ими в пылу юношеского жара без дальнего рассуждения охваченные, страдали в политическом изгнании от родины, благодушно учредил особого рода человеколюбивейшее содержание и образ занятий и, к усовершенствованию своего благодеяния, дал им начальника Лепарского... эмблему доброты и кротости, при твердом и непоколебимом исполнении своего долга». Публикуя этот отрывок, исследовательница сибирской мемуаристики Н.П. Матханова отмечает, что характеристика Лепарского здесь немногим отличается от отзывов, содержащихся во многих свидетельствах самих декабристов⁶³.

Искренняя и горячая вера императора, естественно проявлявшаяся в самых сложных и острых социально-политических ситуациях, несомненно, способствовала контакту его с народом в массовых событиях, вызывая ответный духовный порыв, пробуждение забытого на время религиозного восприятия действительности. Так, во время холерных «беспорядков» в Петербурге государю сообщили, что около Спасской церкви на Сенной площади неистовствует толпа численностью около 5-7 тысяч. Он срочно приехал из Петергофа, в сопровождении генерал-адъютанта князя А. С. Меншикова въехал на коляске в эту толпу и, по свидетельству князя, встав в экипаже, зычным своим голосом обратился к народу: «Вчера учинены злодейства, общий порядок был нарушен. Стыдно народу русскому, забыв веру отцов своих, подражать буйству французов и поляков: они вас подучают, ловите их, представляйте подозрительных начальству. Но здесь учинено злодейство, здесь прогневали мы Бога, обратимся к Церкви, на колени и просите у Всемогущего прощения!» И государь, и толпа опустились на колени и крестились. Кое-где раздавались возгласы: «Согрешили,

⁵⁹ Там же. С. 312, 317, 323, 330, 344, 410.

⁶⁰ Там же. С. 329, 334–336, 537.

⁶¹ Там же. С. 362–363.

⁶² Там же. С. 453–454.

⁶³ Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика. С. 141–142.

окаянные». Император, поднявшись от молитвы, продолжил свое слово, сказав, что «клявшись перед Богом охранять благоденствие вверенного ему Промыслом народа, он отвечает перед Богом и за беспорядки, а потому их не попустит», и воскликнул: «Сам лягу, но не поущу, и горе ослушникам!» Несколько человек стали громко возражать. «До кого вы добираетесь, кого вы хотите, меня ли?», — раздался мощный голос царя, — Я никого не боюсь. Вот я!», — показывая на свою грудь. Народ «в восторге и в слезах» закричал «ура!». Государь поцеловал стоявшего близко старика и, сказав: «молитесь и не шумите больше», покинул площадь⁶⁴.

Вера зримо сближала императора и народ и в самой мирной праздничной обстановке. Так, по завершению реставрации Зимнего Дворца после пожара, на освящение его в Светлое Христово Воскресение были приглашены участвовавшие в работах мастеровые. Они стояли в Белом зале в два ряда, большей частью бородатые мужики в кафтанах, когда мимо них шел крестный ход — во время заутрени. Разговлялись 3 тысячи человек⁶⁵.

И в трагическом, и в праздничном случае эти действия не были показными, так как основывались на реальной сущности — религиозном чувстве и сознании — и с той, и с другой стороны. Личная духовность императора сказывалась в каждом серьезном общегосударственном деле. Так, при создании Свода законов Российской империи особое внимание было обращено на юридическую защиту православной веры и Церкви⁶⁶. А при поощрении развития промышленности и деятельности предпринимателей Николай I обратил особое внимание на необходимость религиозно-нравственного воспитания рабочих. При этом он в 1835 г. высказал прозорливую мысль о том, что рабочие, «ежегодно возрастаая числом, требуют деятельного и отеческого надзора за их нравственно-религиозностью, без чего эта масса постепенно будет портиться и обратится, наконец, в сословие столько же несчастное, сколько опасное для самих хозяев»⁶⁷.

Выше мы приводили слова Николая Павловича, сказанные после первых двух лет его царствования о том, что он не справился бы со своими задачами, «если бы не явное покровительство Бо-

жественного Провидения и того, на кого еще при жизни я смотрел, как на своего благодетеля, и которого мне приятно считать своим ангелом-хранителем...». Старший брат Александр I, несомненно, оказал значительное влияние на формирование религиозности Николая I. Есть основания также полагать, что его молитвы после ухода от власти и превращения в прозорливого сибирского старца Феодора Кузьмича сопровождали все правление брата. Существуют свидетельства о зашифрованной переписке Феодора Кузьмича с императором, о безотказном принятии государем ходатайств сибирского старца о других лицах, о намеренной встрече Николая I с духовной дочерью праведника в 1849 г. в доме графа Д. Е. Остен-Сакена, о посещении им Веры Молчалицы и пр.⁶⁸

Примечательно, что памятник Александру I Благословенному в Петербурге, сооружение которого началось по распоряжению императора в 1829 г., представляет собой не скульптурное его изображение, а высочайшую колонну с ангелом на ее вершине. «Александру I — благодарная Россия», — гласит надпись. При установке колонны в 1832 г. присутствовала вся царская семья, а в 1834 г. состоялось освящение: был совершен молебен и окропление памятника. При этом «государь, имея рядом с собой представителя Прусского короля — его сына принца Вильгельма, будущего императора германского, пропустил в церемониальном марше 100-тысячное войско»⁶⁹. Так органично сочетались в его личности сильная вера и неутомимая забота о делах государственных.

Отмечая значение уровня духовности отдельного деятельного человека, не следует забывать о тех святах этого времени, влияние которых, казалось бы, ограниченное сугубо церковной сферой, в действительности выходило далеко за ее пределы: не только в своем воздействии на состояние массовой, общественной религиозности, но и в непосредственных контактах с архипастырями и другими лицами, выполнявшими государственные (государевы) задачи. В рамках статьи укажем лишь на некоторых из них.

Прежде всего, надо вспомнить в этой связи, что первые семь лет царствования Николая I прошли при жизни всемирно известного великого нашего святого преподобного Серафима Саровского. Пре-

⁶⁴ Тальберг Н.Д. Указ. соч. С. 378–379.

⁶⁵ Он же. С. 461.

⁶⁶ Николлин Алексей, священник. Указ соч. С. 116–121.

⁶⁷ Тальберг Н.Д. Указ. соч. С. 409.

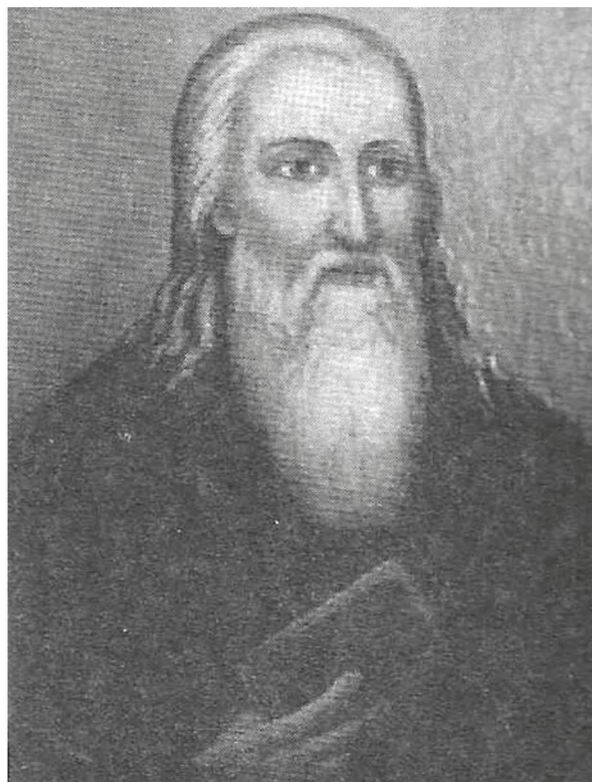
⁶⁸ Подробнее об этом см.: Громыко М.М. Святой праведный старец Феодор Кузьмич Томский — Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию. М.: «Паломник», 2007. С. 86–88, 149–150, 186–188, 192–194 и др.

⁶⁹ Тальберг. Указ. соч. С. 402–403.

подобный по благословию свыше вышел из затвора 25 ноября 1825 г. (через шесть дней после таинственного ухода от власти Александра I, перед восстанием декабристов и последовавшим за ним восшествием на престол Николая I). К нему сразу пошел поток посетителей из самых разных социальных слоев России. «В числе лиц, имевших отношение к Сарову и Дивееву», — пишет Е. Поселянин, — упоминаются представители княжеских родов: Голицыных, Ладыженских, Татищевых, Корсаковых, Извольских, Сипягиных, Колычевых, Чемодановых, Муравьевых, Еропкиных, Енгальчевых, Михайловских-Даниловских (список не исчерпывающий)⁷⁰. Многие участники турецкой и польской войн посетили преподобного до участия в сражениях⁷¹. Что касается контактов с деятельными архипастырями, отметим, что преподобный Серафим «особенно почитал» Антония (Смирницкого),⁷² а архимандрита Антония (Медведева) благословил, как мы отмечали выше, на наместническое служение в Троице-Сергиевой Лавре. Архимандрит Антоний (Медведев) и после смерти преподобного Серафима содействовал устройству дивеевских дел через митрополита Московского Филарета с выходом на самого императора⁷³.

Те же годы начала правления императора Николая I отмечены деятельностью преподобного Зосимы (Верховского), умершего, как и Серафим Саровский, в 1833 г. В судьбе этого святого и обстоятельствах возникновения и развития основанной им Зосимовой Пустыни заметно проявилось узнавание влиятельными святыми других святых и соответственная поддержка их действий, вопреки внешним неблагоприятным показателям.

Захарий Верховский — дворянин, из помещиков Смоленской губ., в чине поручика вышел в отставку и тайно принял постриг в монахи под именем Зосимы. Он был учеником известного в последней четверти XVIII в. пустынножителя Адриана, подвизавшегося в непроходимых брянских лесах, а затем вместе со своим сподвижником Василиском прошел долгий и сложный путь пустынножительства в Сибири, но при этом монашество его оставалось тайным. Эта тайна не смогла скрыть для благочестивых людей благоприятные возможности духовного руководства отца Зосимы: около них стихийно сложилась женская община, и пре-

Преподобный старец Зосима (Верховский).
Портрет. XIX в.

подобный стал активно хлопотать о превращении ее в монастырь. В результате в 1821 г. возникла необычная ситуация: пришедший в упадок заштатный Туринский мужской Николаевский монастырь был превращен в женское «общежитие», попечителем которого назначили, как значится в документах, отставного поручика З.Б. Верховского. Решение было принято синодом и утверждено императором Александром I⁷⁴.

Необычность ситуации послужила поводом для клеветнических доносов, и в 1825 г. «отставной поручик Верховский» от попечительства над Туринским женским монастырем был уволен. Без руководства своего любимого духовника не захотели остаться в этом монастыре не только две его родные племянницы, но с ними еще 15 сестер уехали с преподобным в надежде основать в другом месте общину при церкви под ведением Зосимы. Дело по

⁷⁰ Поселянин Е. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. СПб., 1908. С.146.

⁷¹ Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ея: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А.С. Мельгуновой. Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). Изд. второе Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. С. 348–351.

⁷² Там же. С. 302.

⁷³ Там же. С. 655.

⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 103. Д. 175. Л. 1–6; Филиал государственного архива Тюменской области в Тобольске (ФГАТОТ). Ф. 156. Тобольская консистория. Оп. 4 (19). Д. 37. Л. 49–50 об.

их прошениям снова рассматривалось в синоде. При этом они нашли благотворителей и просили об устройстве в конкретном месте Московской губернии, но получили отказ (1827 г.)⁷⁵. В этом отказе была существенная оговорка: сообщить об этом просительницам в силу «жительства их в Москве» предлагалось «Синодальному члену, Преосвященному Филарету митрополиту Московскому», и при этом он должен был «сделать просительницам пастырское увещание, дабы оне, оставив намерение устроить новое общежитие под ведением Верховского, расположили себя к монастырской жизни, если желают, по общим правилам»⁷⁶.

Так это запутанное дело формально вышло на Филарета Московского, который уже давно знал о нем. Для святителя оно не было запутанным. Он оценил святость старца Зосимы еще в 1821–1822 годах, когда тот хлопотал в Петербурге об оформлении общины своих чад, и тогда уже содействовал в качестве члена синода «отставному поручику». Теперь он способствовал тому, чтобы старец с сестрами обосновался именно в Московской епархии. Филарет не оставлял своим вниманием Зосимову пустынь и после кончины ее основателя⁷⁷.

Столь же тепло, благожелательно и доверчиво отнесся к преподобному Зосиме архимандрит Антоний (Медведев). Он еще будучи строителем Высокогорской Пустыни благословил в Арзамасе по просьбе Зосимы двух его племянниц, вступавших в общину Туринского монастыря. Став настоятелем Троице-Сергиевой Лавры, он встретил бедствовавшего вместе с сестрами после неприятностей старца ответным земным поклоном, долго беседовал с ним «духовно и утешительно». «И с тех пор водворилось сердечное общение между аввою Антонием и пустыннолюбом Зосимою до блаженной кончины последнего». Архимандрит Антоний был первым благочинным Зосимовой пустыни⁷⁸.

С Киевским святителем Филаретом (Амфите-

атовым) был связан инок Моисей (Путилов), с самого основания Оптинского Иоанно-Предтеченского скита, состоявшегося еще при Александре I (1821 г.). До этого Моисей (Путилов, 1782–1862), вышедший из московской купеческой семьи⁷⁹, подвизался в широко известной группе подвижников рославльских лесов (в сорока верстах от г. Рославля Смоленской губ.). Святитель Филарет, будучи тогда архипастырем Калужским и, соответственно, опекая Оптиную пустынь, прозорливо оценил при первой же встрече духовные возможности скромного инок и предложил ему с родным братом Антонием и несколькими сподвижниками перейти в создаваемый скит. Впоследствии владыка внимательно и с любовью вникал в жизнь скита, посещая его, и по освящении скитской церкви в 1822 г. рукоположил Моисея в иеродиакона, затем — в иеромонаха и «определил общим духовником Оптиной пустыни»⁸⁰.

Преосвященный Филарет (Амфитеатов) в 1825 г., уже при переводе своем на другую кафедру, определил Моисея (Путилова) в строители, т. е. управители Оптиной. Преемник Филарета утвердил это назначение, и святой возглавлял знаменитую и исключительно активную по своему духовному влиянию пустынь *в течение 36 лет*. Положительный характер его деятельности на этом посту, по-видимому, ни у кого не вызывал сомнений: так, в 1853 г., например, он стал архимандритом — по представлению тогдашнего епископа Калужского, по указу Синода и с «*Высочайшего соизволения*»⁸¹. (курсив наш. — М.Г.)

Успешно управляя сложной жизнью Оптиной⁸², архимандрит не был просто деятельным администратором. Прославлен-то он в соборе старцев. Именно при его настоятельстве (т. е. в период царствования Николая I) началось и развилось знаменитое старчество Оптиной пустыни. В 1829 г., с согласия о. Моисея, водворился в ней о. Леонид (Наголкин, 1768–1841)⁸³, а в 1834 г. — его ученик

⁷⁵ Преподобный старец Зосима Верховский. Творения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2006. С. 497–522.

⁷⁶ Он же. С. 521.

⁷⁷ Женская Зосимова Пустынь. Исторический очерк. Сост. монахиня Зосима (Верховская). М.: «Паломник», 2008. С. 218–220.

⁷⁸ Там же. С. 224–226; Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги. Изречения и извлечения из его сочинений. М. 1994. Ч. 2. С. 34–36.

⁷⁹ Все три сына из этой семьи стали настоятелями монастырей. См.: Митрополит Трифон (Туркестанов).

Древнехристианские и оптинские старцы. М. «Мартис», 1996. С. 159.

⁸⁰ Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. 3-е. 1875 г. Репринт Свято-Введенской Оптиной пустыни. Б/д. С. 209–210; Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Декабрь. Ч. II. С. 50–54.

⁸¹ Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. С. 210.

⁸² Подробно о нем см.: Ювеналий (Половцев), архиепископ. Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. На этой книге основан соответствующий раздел в «Жизнеописаниях подвижников благочестия...». Введенская Оптина Пустынь, 1995 Июнь. С. 159–206.

⁸³ О старце Леониде (Наголкине) см.: Леонид (Кавелин Л.А.) архимандрит. Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леониды (в схиме — Льва). М.: Козельская Введенская Оптина пустынь, 1876.

о. Макарий (Иванов, 1788–1860)⁸⁴. Слава о высоких дарах Божиих этих иеромонахов — духовников «вскоре далеко распространилась, и из разных концов России опытные духовные мужи стали присылать под их руководство в Оптину пустынь людей всякого сословия, желавших посвятить себя монашеской жизни, но недоумевавших касательно выбора монастыря». Поступали в Оптину по совету Задонского затворника Георгия, Троекуровского затворника Илариона, архимандрита Игнатия Брянчанинова, архимандрита Московского Симонова монастыря Мельхиседека⁸⁵. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в момент критического наступления противников старчества решительно и успешно вступился за Оптину пустынь⁸⁶.

«Не будь настоятель поистине духовный, не содействуя он введению старчества, оно не могло бы утвердиться в обители. <...> Он лучше других понимал высокое значение и силу их благотворной деятельности»⁸⁷. Репутация Оптиной пустыни привлекала не только желающих принять монашество. Ради духовных советов и сильных пред Богом молитв «начали приходить к старцам из городов и селений люди разного рода: дворяне, купцы, мещане и простой народ обоего пола, и все были принимаемы ими с любовью и отеческим вниманием...»⁸⁸. Как известно, через старца Макария (Иванова) началось сближение с Оптиной пустыней ряда представителей русской науки и литературы, а затем и их окружения.

Да, только человек, наделенный свыше особыми дарами, и мог возглавлять такую общность, где истинный уход от мира сочетался с окормлением обширного притока представителей этого мира — разного духовного уровня, различных социальных слоев. В силу своего благодатного состояния старцы не только через собственные молитвы, но и через этот поток богомольцев влияли на ход государственных дел.

Трудно сказать, какой из особенно посещаемых в период правления императора Николая I монастырей имел в этом отношении наибольшие возможности. Но можно не сомневаться в том, что у Киево-Печерской Лавры эти возможности были.

Киево-Печерский схимонах Парфений.
Литографический портрет. 1845 г.

Преподобный Парфений Киевский (Краснопевцев, 1792–1855), вся жизнь которого теснейшим образом связана с Лаврой, удивительно сочетал последовательное отречение от мирских ценностей с глубоким и длительным духовным влиянием на широкий круг богомольцев. Это сочетание нашло отражение и в жизнеописании, вышедшем из печати через год после его кончины, т. е. отражавшем непосредственные свидетельства очевидцев⁸⁹, и в современном исследовании, дополненном позднейшими источниками⁹⁰.

В первоначальных подвигах Парфения принимал «особенное участие» святитель Воронежский Антоний (Смирницкий), когда был наместником Киево-Печерской Лавры (иеромонах писал ему

⁸⁴ Митрополит Трифон (Туркестанов). Указ. соч. С. 158–183; Леонид (Кавелин), иером. Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария. М., 1861; Смолич И. К. Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. Приложение к «Истории Русской Церкви». М., 1999. С. 424–427.

⁸⁵ Оптинский настоятель о. архимандрит Моисей // Жизнеописание отечественных подвижников... Июнь. Введенская Оптина Пустынь, 1995. С. 170.

⁸⁶ Митрополит Трифон (Туркестанов). Указ. соч. С. 181–182.

⁸⁷ Оптинский настоятель о. архимандрит Моисей... С. 171.

⁸⁸ Там же. С. 170–171.

⁸⁹ Сказание о жизни и подвигах старца Киево-Печерской Лавры иеросхимонаха Парфения. Киев.: Типография Киево-Печерской Лавры, 1856.

⁹⁰ Благословенная Душа. Жизнь, труды и подвиги преподобного Парфения Киевского. Сост. Ирина Хрулева. М.: «Синтагма», 2008.

как духовному отцу позднее в Воронеж в сложных случаях своей жизни). А святитель Филарет (Амфитеатров) в самом начале своей деятельности на Киевской кафедре «уразумел духом благодать, сущую» в Парфении и в дальнейшем пользовался его советами⁹¹.

Из духовных детей преподобного Парфения окормляемых им длительное время, и имевших постоянное общение с государем и императрицей, наиболее известна графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1784–1848). Она сама представляет собой тот случай, когда уровень личной религиозности человека определяет характер его общения, степень влияния его на других лиц и на ход событий. Положение фрейлины императрицы и унаследованное от отца богатейшее состояние сами по себе не сделали бы ее активной участницей контактов сурового, боровшегося с ересями новгородского архимандрита Фотия (Спасского, 1792–1838) с Александром I и Николаем I. Именно графиня Орлова-Чесменская (позднее – тайная монахиня Агния) в 1822 г. представила своего тогдашнего духовного отца – настоятеля Новгородского Юрьева монастыря Фотия – императору Александру I. Эта религиозная и в то же время политическая ситуация уже освещалась подробно на страницах данного журнала. Влияние Фотия на духовное становление Александра I и соответствующие политические действия императора было очень велико⁹².

При Николае I положение новгородского архимандрита укрепилось, так как новый государь продолжил и развил во внутренней политике тенденции, к которым старший брат его обратился в последние годы своего правления. Позиции Фотия в этом отношении наиболее объективно и четко охарактеризовал современный исследователь Н. М. Новиков: Фотий – «строгий аскет, выдающийся проповедник и церковный деятель, мужественный и энергичный борец за чистоту Православия и обличитель его врагов. <...> Архимандрит Фотий подвергался злобной критике со стороны антиправославных сил. Пропагандные историки неизменно

изображают его в карикатурном виде — как неуправляемого “фанатика”, связанного с «темными силами реакции» в России. На деле о. Фотий был истинным патриотом, непримиримым борцом с либерализмом, резким обличителем масонства и оккультизма, публично критиковал тайные общества <...>»⁹³.

В переписке о. Фотия (Спасского) с пользовавшейся его доверием А.А. Орловой-Чесменской за 1829–1838 г. г. постоянно присутствуют знаки его положительного отношения к Николаю I, прежде всего, — к его духовному состоянию. Императора и императрицу в переписке с графией архимандрит обозначал условными инициалами — А.П. и А.К., что означало — *Ангел Правды и Ангел Кротости*. Так, в письме от 19 ноября 1829 г. читаем: «Сорадуюсь твоей радости, что А.П. есть совершенно лучше. Радость твоя есть и общая радость всех, и радость паче всех радостей. При случае благом, поздравь и от меня А.П. и А.К. с получением здоровья»⁹⁴. А в письме, например, от 29 июня 1836 г. называет правящего государя Ангелом Правды, без всяких сокращений⁹⁵.

Одно из писем (9 апреля 1831 г.) к графине Анне Алексеевне представляет собой краткий трактат о текущих событиях (польское восстание, внутренние беспорядки, революционная пропаганда) и роли в них императора, написанный с позиций горячей православной веры. В нем архимандрит, в частности, утверждает: «Господь наводит ныне искушение на всех нас, да искусит всех и каждого из нас, яко злато чистое: Царь наш, и народ наш, и Священство наше, и Дворянство наше есть злато чисто пред Богом: нет Царя Богом паче возлюбленного и благого, как наш Царь, и нет праведнее народа и власти, как народ и власти наши у нас. Россия есть единое паче всех мест место и обиталище Божие: мы знаем Господа и любим паче всех, и потому любит и знает нас Господь, и прославит нас паче всех, и будет последняя слава наша паче первая»⁹⁶.

О благожелательном отношении к новгородскому настоятелю императорского дома свидетель-

⁹¹ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Декабрь. Ч. II. С. 187–189.

⁹² Громыко М.М. Мог ли император Александр I стать праведным старцем Феодором Кузьмичем? О религиозной жизни государя в 1812–1825 годах // Традиции и современность. Научный православный журнал. М. 2004. №3. С. 58–64; в этом же номере публикация писем архимандрита Фотия графине Орловой-Чесменской о приезде Александра I в Новгородский Юрьев монастырь в 1825 г. С. 99–102. См.: также Громыко М.М. Святой праведный старец Феодор Кузьмич Томский — Александр I Благословенный. Исследования и материалы к житию. М.: «Паломник», 2007. С. 27–40, 500–506.

⁹³ Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий. Учение святых отцов и подвижников благочестия от древности до наших дней. Автор-сост. Николай Новиков. Т. I. М.: «Отчий дом», 2004. С. 384–385. См.: Также Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. // Русский Паломник. №27. 2003.

⁹⁴ РГАДА. Ф.1208. Юрьев Новгородский монастырь. Оп. 3. Д. 54. Л. 268–268 об.

⁹⁵ Там же. Д. 69. Л. 72.

⁹⁶ РО РГБ. Ф.758. Архимандрит Фотий. Карт. 4. Д. 24. Л. 5.

ствуют посещения Юрьева монастыря великим князем Михаилом Павловичем и наследником престола Александром. По поводу первого Фотий сообщает в письме от 8 мая 1836 г.: «Слава Богу, святейшее мое чадо, был вел. князь Михаил П.: и точно было скрытно всё сделано у нас и так, что уже лучше сделать у нас ума не достало. Все хорошо было: и мил весьма был, и много говорил, и все полюбил, и я рад был видеть его и он меня. О всем перескажу лично. Мир тебе, радуйся. +++ Отец Фотий». На следующий день архимандрит продолжил свое письмо: «Кажется по мне, нельзя было сделать лучше, аккуратнее, скрытнее доброй встречи, как была сделана В. К. Михаилу. Мне казалось он был в удовольствии от всего и милостив очень ко мне». И далее подвижник добавляет своему надежному и духовному адресату некоторые детали встречи: «Скажу откровенно, В. Князь от нечаянных священные встречи был вне себя, так что не знал, как ему что сделать, и, целовав крест, и не принимал благословения от удивления священного, то я <...> сам простер мою руку взять его, и взял и он мою и <...>, кажется, приятно целовали друг друга, и он тогда уже был посмелее и веселее <...>»⁹⁷.

Что касается скрытности, дважды упоминаемой в этом письме, то она могла иметь свои особые причины, либо великий князь просто хотел помолиться без официальных церемоний. В любом случае, благодатность подвижника произвела такое впечатление на Михаила Павловича, что он сначала даже растерялся. Но ведь и само узнавание благодати в другом человеке требовало определенного уровня духовности.

Еще более успешно прошел через год прием в Юрьевом монастыре молодого наследника — будущего императора Александра II. Примечательно, что маршрут Александра Николаевича был направлен в Сибирь, но начал он его с Новгорода. Архимандрит Фотий в письмах к графине очень хвалит наследника, утверждает, что Бог дает ему благодать, сравнивает его с Александром I по «ангелоподобному обращению и благонравию, и смирению». Хорошее впечатление об этой встрече было и у Александра Николаевича: В. А. Жуковский специально прислал человека, чтобы сообщить настоятелю, что «наследник весьма доволен всем виденным»⁹⁸.

Но если в таких встречах Фотий удивлял высокородных посетителей своими духовными дарами, то в эти же годы он сам был искренне поражен святостью Филарета Киевского (тогда еще архипастыря Казанского) при первой их встрече. «Первый раз слышал слово и дело Божие от уст К. Филарета. От роду не слышал, кто б тако глаголал во благо и созидание, якоже сей человек. Свыше зван бысть, а не от человек. <...> В какой мере совершенства он, знает един Вышний»⁹⁹. И далее о нем же: «Тот Ангел, который пришел и явился нам, и мы с ним сидели, и послушали от него глаголов живота вечного, во истину есть во плоти ангел нашего времени. Сердце мое мне о нем говорило, но я не слышал и не видел, что он есть. Он созрел под кровом Божия Матери; человек ли он? То свыше зван бысть, а не от человек <...>. Мало слышал его, глаголавшего от Бога, но от роду не слышал никого, тако глаголавшаго правду и благодать изливающего от устен своих. Сушую правду он глаголал». Архимандрит Фотий советует Анне Алексеевне «держаться» этого архипастыря¹⁰⁰. Так оно и произошло: после кончины Фотия графиня усердно посещает Киев, где и обрела общего с Филаретом Киевским духовника — преподобного Парфения. Сам Фотий писал в мае 1837 г., что он стремится «видеть Филаретов — и Киевского, и Московского». При этом вспоминал о Киевском: «... его душа о вере православной так едина со мной»¹⁰¹.

Об отношении императора и императрицы к графине Орловой-Чесменской, глубоком доверии их к ее благочестию убедительно свидетельствует тот факт, что именно эта фрейлина курировала в течение десяти лет их дочь Ольгу (ставшую после замужества королевою Вюртембергскою), и Николай I в дни свадьбы благодарил Анну Алексеевну за добрую опеку¹⁰².

+ + + + +

В изучении истории необходимо учитывать фактор личной религиозности того или иного деятеля. Разумеется, этот показатель не всегда доступен по исследуемым материалам (как и другие факторы, влияющие на ход событий, — могут быть отражены в источниках в большей или меньшей степени). При этом высший уровень

⁹⁷ РГАДА. Ф.1208. Оп. 3. Д. 69. Л. 57–58 об.

⁹⁸ Там же. Д. 72. Л. 81–81 об.; 82–83; 85–88 об.

⁹⁹ Там же. Д. 69. Л. 92.

¹⁰⁰ Там же. Л. 95–96 об.

¹⁰¹ Там же. Д. 72. Л. 100, 112 об.

¹⁰² «Сон юности». Записки дочери императора Николая I Великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж, 1963. С. 10.

духовности — святость, проявившаяся уже в земной жизни, может учитываться лишь по признанию ее церковью, после тщательного церковного, освященного исследования, а не по оценке ученых. Внимательная осторожность требуется и при учете показателей на иных уровнях духовности, во избежание признания чисто внешних проявлений, не соответствующих внутреннему состоянию человека. Эти весьма существенные оговорки отнюдь не оправдывают атеистическое игнорирование значения личной религиозности, чрезвычайно обедняющее возможности достоверного освещения событий и процессов.

В этой связи одна из задач исследователя — увидеть живую действительность общения земной части Церкви и государства в конкретных лицах, достигших определенного уровня духовной зрелости. При этом для выявления не прославленных Церковью подвижников служит показателем оценка их признанными святыми.

Не следует думать, что каждый искренне верующий человек, стремящийся следовать заповедям Христовым, может достигнуть духовного уровня тех, кто обладает особыми возможностями, дарованными свыше. Все они проходили тяжкий путь страданий, многочисленных помех и нападок невидимой брани, великих молитвенных трудов, аскезы. Но при этом у каждого был свой путь, отличавшийся от других. Поэтому в оценке их деятельности как современниками, так и историками не должны применяться некие нормы со стандартным набором ожидаемых свойств.

Высокий уровень духовности как непереносимое свойство монарха выражался в России даже во внешних признаках священства: царь мог принимать участие в литургии в алтаре; причащался непосредственно из чаши; при венчании на царство проходил через царские врата, предназначенные только для духовенства. Можно согласиться с положением, сформулированным Владимиром Волковым: «Если царь перестает быть православным, он перестает быть царем. Вот почему русская монархия, какой бы самодержавной она ни была, никогда не была абсолютной: в православной стране нет абсолюта кроме Бога». Хотя, разумеется, как

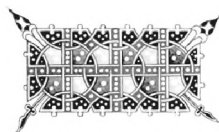
признает этот автор, некоторые русские монархи были более благочестивы, чем другие¹⁰³.

Для рассматриваемого нами периода можно констатировать понимание императором благотворной деятельности духовно сильных архиереев и содействие им с его стороны. Весьма осведомленный современник событий — А. Н. Муравьев даже полагал, что святитель Филарет Московский, «не будучи патриархом по сану, был для нас как истинный патриарх, ибо он решал все трудные вопросы церковные по данной ему свыше премудрости и долго будет Церковь Русская чувствовать сие мнение»¹⁰⁴.

Мы коснулись деятельности тринадцати прославленных святых. Заслуживают внимания контакты между ними, взаимная осведомленность друг о друге, направление друг к другу нуждающихся в поддержке лиц. Все это — несмотря на обширные российские расстояния и отсутствие современных средств связи. По духу.

Искреннее и постоянное упование императора Николая I на Господа, собственное познание благодати позволяли государю не только выделить, определить и поддерживать в их деятельности сильнейших из иерархов, но и в непосредственном общении с народом, с армией находить нужное слово и образ поведения, верную оценку событий. Церковь всегда жива. И в синодальный период был возможен успешный контакт Церкви и власти при высоком уровне религиозности конкретных деятелей.

Выдающиеся архипастыри выдвигали и поддерживали архимандритов-подвижников. Активная деятельность и тех, и других — миссионерская, просветительская — напрямую выходила за пределы собственно церковной жизни на государственные дела. Но и собственно церковная жизнь через духовное окормление большого количества людей разных социальных слоев и занятий состояла в постоянном контакте со светской действительностью. От отдельных благодатных богомольцев-простолудинов информация о святом пастыре распространялась в массе верующих и привлекала к нему посетителей. Святость одного человека всегда становится достоянием многих.

¹⁰³ Волков Владимир. Русская Монархия // Regnum Aeternum. Москва—Париж, 1996. Вып. 1. С. 17–18.

¹⁰⁴ Цит. по Смолич И.К. История русской церкви Ч. 1. С. 219–220.